

Слово как носитель мифа: опыт семиотического анализа

И. В. Старикова

Национальный исследовательский университет «МИЭТ»

Рассматривается вопрос сращения слова и мифа. Автор приходит к выводу, что слово-морфема может быть концептом, поскольку, включая в себя бесконечное наслаивание множества смыслов и производных слов от самого себя, первичное слово становится носителем мифа. Утверждается возможность вскрыть мифологический подтекст слова при помощи мифологического мышления, так как оно видит связи, не прослеживаемые логикой. На основе внутренних связей слова и его производных автор выстраивает семиотическую систему, где каждый знак связан напрямую или опосредованно с первичным словом, рассматриваемым как концепт.

Ключевые слова: мифологическая картина мира; семиотический анализ; морфема как носитель мифа; слово-концепт; дословесное мышление; реконструкция мифа.

Среди всех типов мировоззрения самый мощный, продуктивный и доминантный тип — мифологический. Мифологический тип мировоззрения сложился на заре становления человеческого сознания, одновременно с появлением речи. И на данном этапе невозможно вычленишь, что было первоначальным: развитие разума и речи спровоцировало появление мифа или миф и развитие речи складывались параллельно.

Существует несколько точек зрения, появилась ли фразовая речь сразу, или речевое разнообразие набиралось отдельными морфемами, постепенно расширяя словарный запас.

По мнению Л. С. Выготского, «...слово играет центральную роль в сознании в целом, а не в его отдельных функциях <...> Оно есть самое прямое выражение исторической природы человеческого сознания» [1, с. 172]. Соответственно, речь — это свидетельство пробуждения сознания.

Исследователи в области мифолингвистики С. З. Агранович и Е. Е. Стефанский писали о том, что ритуальные действия запустили процесс формирования мифологических представлений и языка — значит, и миф, и речь формировались одновременно [2].

О глубокой укорененности мифа в сознании и подсознании человека свидетельствует открытие архетипов и, как следствие, архетипичных сюжетов. Обратимся к К. Г. Юнгу, который впервые описал понятие «архетип»: «Архетипы — непредставимые сами по себе, они проявляются в сознании следствиями самих себя, в качестве архетипических образов и идей. Это коллективные универсальные паттерны (модели), или мотивы, возникающие из коллективного бессознательного и являющиеся основным содержанием религий, мифологий, легенд и сказок. У индивида архетипы появляются в сновидениях и грезах» [3, с. 451].

Основанные, вероятно, на ощущениях первой сигнальной системы «опасность — безопасность» фигуры-образы,

представляющие собой архетипы, влияют на человека вне сознательной мысли. Там, где разум оказывается бессильным против волны эмоций, тревоги или чего-то неизъяснимого, поднимающегося из глубины бессознательного, можно говорить о власти мифа над человеческим разумом. Есть коды и тексты, которые человек считывает не разумом. Образы из дословесного их описания и восприятия, минуя лексическое (речевое) осмысление, попадают в подсознание, которое автоматически провоцирует эмоциональную реакцию на них. И часто эмоциональная реакция сильнее голоса разума. Тому примером многочисленные «Не знаю почему, но он мне не нравится». Или клишированное видение по одному из сюжетных архетипов. В мировой литературе их насчитывается четыре (у Х. Л. Борхеса), семь (у К. Букера) и 36 (у Ж. Польти). Эти сюжеты сводятся к максимально утрированной фабуле: потеря и возвращение утраченного; благословение, ставшее проклятием; возвращение домой; восстание из пепла; Золушка и т. п.

Поэтому бытовая реакция на отношение к инвалиду: «Он же инвалид, вы что, так нельзя!» — это проекция сюжета о гадком утенке. Вместе с тем в ситуации, на которую сработало клише о гадком утенке, инвалидность может быть вовсе ни при чем. Допустим, человек с инвалидностью не прошел испытательный срок и его увольняют. И когда в обществе начинается возмущение тем, как можно уволить инвалида, срабатывает клише — сюжет-архетип, скрывающийся в коллективном бессознательном.

А значит, на основании определения Юнга и механизма «включения» сюжетов-архетипов можно предположить, что миф — это нечто дословесное, в какой-то период существовавшее только на основе образа, без сигнального

выражения, или же миф складывался параллельно с возникновением морфемной речи, и эта речь была выражением мифа.

Так, получаем неразделимый сплав: миф — производная от слова или слово — производная от мифа.

Сращение мифа со способом мышления позволяет говорить о тесном взаимопроникновении мифа и слова друг в друга.

Мифологическое сознание подразумевает включение человека в цепочку причинно-следственных связей, которые организуют или деконструируют мир. Мир может расслаиваться на реальность видимую и реальность невидимую, но объективно существующую в рамках мифологического сознания.

При этом первые слова в речи всегда максимально зримы и предметны: камень, огонь, идти. Посредством этих зримых слов есть необходимость выразить нечто, что лежит вне области зримого мира. Таким образом номинативная функция слов расширяется дополнительной сакральной и ритуальной функциями.

Вскрыть мифологический подтекст слова возможно с помощью мифологического мышления, которое видит связи там, где логика их не может проследить.

Петр Червинский в монографии «Семантический язык фольклорной традиции» пишет: «Этнолингвистическое изучение словаря славянских древностей неизменно оборачивается изучением быта, представлений и всей жизни традиционного, ритуализированного общества» [4, с. 22].

Возьмем ряд слов.

Печь, печаль, печать, спечься (в знач. «умереть»), печься, запечатать (в знач. «наглухо закрыть») — однокоренные слова, их звуковая близость сигнализирует о происхождении от одной

морфемы — «печь», причем в этом слове русского языка существительное и глагол — омонимы.

В этимологическом словаре Н. М. Шанского и Т. А. Бобровой находим значения слов рассматриваемого ряда.

Печь (1) (глагол). Общеслав. Того же корня лит. *képti* «печь» (с метатезой *k — p*), др.-инд. *pácati* «варит, печет, жарит». Праслав. *ректъ: пеку; ср. др.-инд. *raktis* ж. «варка, вареное кушанье».

Печь (2) (сущ.). Общеслав. Суф. производное (суф. *-ть* ср. *нить*, *власть* и др.) от основы *пек-*; *kt > ч* перед *ь* (см. *печь* (1), глагол). *Печь* буквально — «место, где пекут, жарят».

Печать. Общеслав. Суф. производное (суф. *-j-*) от **peketi* (> *печати*), суф. образования от **pekti* «печь». *Печать* первоначально — «орудие для выжигания знака».

Печаль. Общеслав. Суф. производное от *печа* «забота», в диалектах еще известного, суф. образования (суф. *-j-*) от *пека* (ср. *опека*, др.-рус. *пека* «жар, зной»). Сущ. *пека* — производное от **pekti* (> *печь* (1)). *Печаль* буквально — «то, что жжет» [5].

Глагол **печися** значил «заботиться» [6, с. 181].

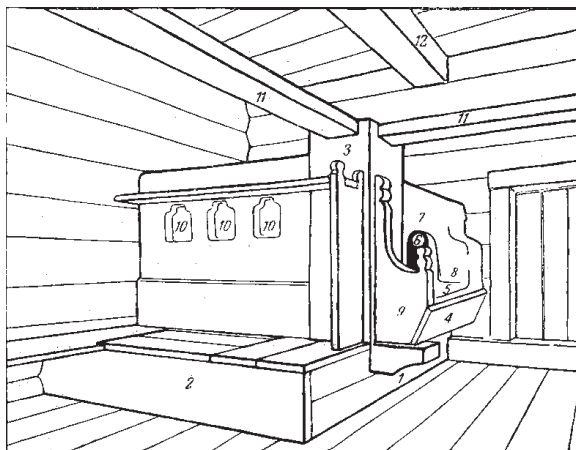
Словарь указывает на этимологическую близость приведенных слов.

Рассмотрим далее схему русской печи [7, с. 46].

На схеме видим элемент № 10 — *печурки* — небольшие углубления в печи. Функционально они не несут никакой нагрузки: ставить горшки для красоты.

Попробуем объединить эти разные по смыслу, но близкие по происхождению слова в единую картину мира.

Печь — это то место, где происходит самый частый процесс любого быта — приготовление пищи. Печь — это изобретение древнее, дорегиозное, а значит, максимально мифологизированное.

Схематическое изображение черной печи с обозначением ее частей:

- 1 — подпечье; 2 — карзина; 3 — печной столб;
4 — шесточница; 5 — шесток; 6 — устье печи;
7 — чело; 8 — жараток; 9 — коник;
10 — печурки; 11 — воронцы; 12 — матица

Культуролог М. М. Бахтин считал, что «быт всегда мифологизирован». У нас на руках — осколки этого мифа и ритуала — слова, разошедшиеся по значению и потерявшие прежнюю близость.

Проследим их взаимосвязь.

На теле печи есть печурки. Глагол «запечатать» равен по значению: замуровать, закрыть таким образом, что вскрытие запечатанного будет означать нарушение целостности того, что внутри. Определим значение слова «печать»: то, что ставят поверх запечатанного или в подтверждение идентификации личности. Глагол «спечься» означает: умереть, иссохнуть (истлеть), вероятно, от жара или изнурительной внутренней болезни.

Слово «печаль» родственно словам «печися» или «печься» (в значении заботиться), но при этом имеет оттенок грусти, скорби.

Все эти понятия объединены в концепт, который мы не можем толковать, поскольку у нас нет ключа к семиотической системе, которую они составляют.

Начнем с факта наличия на печи печурок. Предположим, что значение печурок (небольших ниш) было утеряно и забыто. Но народная традиция максимально устойчива, поэтому их продолжали воспроизводить и после прекращения бытования связанного с ними ритуала.

В народном представлении печь ассоциируется с актом рождения и смерти. Когда женщина рожала, у печи открывали заслонку, во-первых, чтобы облегчить роды и прохождение ребенка по родовым путям (по принципу симпатической магии), а во-вторых, чтобы через печную трубу душа младенца из нематериального мира могла попасть в мир живых.

Описания действий с печью в случае смерти члена семьи плохо сохранились. Известно, что душа уходила из дома по печной трубе как по каналу связи между мирами.

Этнографические экспедиции фиксируют следующий ритуал: когда в дом, где есть невеста, приходит сваха, она мыслится как человек из мира мертвых, так как играет роль в обряде инициации. В символическом переходе из мира мертвых в мир живых сваха, не сказав ни слова хозяевам избы, кладет ладони на печь и просит разрешения войти у предков этого рода. И это происходит именно у той стороны печи, где расположены печурки.

Предположим, что на заре становления какой-либо религии, когда поклонялись родовым или тотемным божествам, мертвых сжигали и ссыпали пепел в горшки, которые и поныне декоративно украшают всякое изображение русской печи. Горшки с прахом запечатывали в нишах как охранные обереги дома. Это мифологическое представление об обряде захоронения объяснило бы суть ритуального обращения свахи.

Интересен факт, когда сваха прижимает к печи ладони. Первые наскальные рисунки в пещерах первобытных людей содержали бесчисленное множество ладоней. Оставить след на стене пещеры могли только взрослые члены общины. Ладонь — древнейший способ самоидентификации человека, прошедшего инициацию. Общение живого и мертвого осуществлялось прикладыванием своей ладони к отпечатку ладони покойного.

Профессор Самарского университета С. З. Агранович в видеолекции приводит следующее утверждение: «Печаль — это живой хочет видеть мертвого, а тоска — это когда мертвый хочет видеть живого» [8, 01:13:10]. Значит, печаль неразрывно связана с общением с миром мертвых через печать — след руки покойника — или запечатанную нишу, где содержится его прах.

Таким образом, мы или восстановили утраченный миф, или произвели новый, который в словесной форме сразу же начинает свое бытование. Морфема «печь» объединяет в единую систему несколько в наше время различных понятий на основании мифологических и ритуальных связей.

Рассмотрим идею концепта.

Выдающийся математик и логик А. Черч считал, что концепт имеет «неязыковую природу», может включать в себя нечто большее, чем то, что заключено в слове: «...существование в концептах таких вещей, которые не имеют имени ни в одном из ныне существующих языков» [9, с. 19]. Это семантическое обоснование связывает понятие «концепт» со смысловым значением слов, которое определяется «концептом некоторого значения переменной X и совпадает со смыслом выражения, получаемого из формулы при подстановке в нее вместо всех

вхождений *X* произвольного имени, смыслом которого является этот концепт» [9, с. 348].

Философы-постмодернисты Ж. Делёз и Ф. Гваттари определяют понятие «концепт» отчасти мифологически, относя его к миру возможного [10, с. 36]. С их точки зрения, оно принадлежит к области философии, где движение мысли к истине предполагает и взаимобратимость — движение истины к мысли. Хаос тотален. Субъект появляется из хаоса, и концепт — это фиксация порядка, схватывание, целостность того, что он в себя включает. Выстроенная система концептов организует мир. Но в силу изначальности хаоса снимается оппозиция *речь — язык*. Речевое схватывание можно назвать концептом, которому нет оппозиции в понятии, ибо в мире возможностей, связанном с текучестью, нет места понятию, соединяющему разнообразие субъектов в некое объективное единство. Концепт — это событие, а событие — это не понятие.

Таким образом, на основании этих определений назовем концептом бесконечность смыслов и способность некоторого условного слова к бесконечному смыслопорождению.

Следовательно, слово «печь», порождающее производные и мифологическую систему, выводимую из анализа семиотических связей этих производных, можно назвать концептом.

Мы объединили слова с общим корнем «печь» в единую семиотическую систему, скрытую в слове-концепте, внутри которого смыслы порождаются посредством мифотворчества, вызванного необходимостью общения мира живых и мира мертвых. В этом ряде однокоренных слов каждый элемент находится в прямой связи с прочими.

В отсутствие документально зафиксированных источников бытования мифа оказалось возможным по одному

слову «печь» и его производным выстроить его структуру. А значит, семантика слова и потенциальная способность к смыслопорождению является носителем мифа.

Если вскрывать значение слов, искать производные и наращиваемые смыслы внутренних связей между частями отдельных морфем, то множество концептов (стоять, камень, герой, земля) на основании семантического взрыва будут организовывать хаос.

Литература

1. **Выготский Л. С.** Мышление и речь. 5-е изд., испр. и доп. М.: Лабиринт, 1999. 352 с.
2. **Агранович С. З., Стефанский Е. Е.** Миф в слове: продолжение жизни: Очерки по мифолингвистике. Самара: Самар. гуманитар. академия, 2003. 168 с.
3. Человек и его символы / Пер. с англ.; под ред. К. Г. Юнга. СПб.: Б. С. К., 1996. 454 с.
4. **Червинский П. П.** Семантический язык фольклорной традиции. Репринт изд. 1989 г. Тернополь: Крок, 2011. 228 с.
5. **Шанский Н. М., Боброва Т. А.** Этимологический словарь русского языка: монография. М.: Прозерпина, 1994. 398 с.
6. **Колесов В. В.** Древняя Русь: наследие в слове [в 5 кн.]. Кн. 3: Бытие и быт. СПб.: Филол. ф-т СПбГУ, 2004. 396 с. (Филология и культура).
7. **Габе Р. М.** Карельское деревянное зодчество / Ред. Н. Соболев. М.: Гос. архит. изд-во Академии архитектуры СССР, 1941. 215 с.: ил.
8. **Агранович С. З.** Лекция для психологов о сказке. Ч. 3 // YouTube — видеохостинг [Электронный ресурс]. Опубл.: 8 янв. 2013. URL: <http://www.youtube.com/watch?v=9bqqoOCmogc&list=PLZХаqOLiUrj-g5otHTH VuVvH9s5HAp6aP&index=3> (дата обращения: 28.02.2016).
9. **Черч А.** Введение в математическую логику. Т. 1 / Пер. с англ. В. С. Чернявского; под ред. В. А. Успенского. М.: Иностран. лит., 1960. 485 с.
10. **Делёз Ж., Гваттари Ф.** Что такое философия? / Пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Изд-во Ин-та эксперимент. социологии; СПб.: Алетейя, 1998. 228 с.

Старикова Инна Владимировна — аспирантка кафедры философии, социологии и политологии (ФСИП) МИЭТ. E-mail: vasilenko.miet@gmail.com